

ВОЛШЕБНИК ИЗ ТЕАТРА КУКОЛ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

«Добрый вечер, дорогие друзья, здравствуйте!» — этой, «в высшей степени оригинальной» фразой приветствует зрителей Эдуард Апломбов, конференсье «Необыкновенного концерта» — знаменитого представления Центрального театра кукол.

Двадцать пять лет играет эту роль Зиновий Гердт. Его руки приводят в движение Апломбова — с небрежно-барственными жестами, вальяжными манерами, его голос передает неповторимый «прононс» персонажа, синхронизированные, ленивые интонации...

Послость, безвкусица, чванство, проникающие порой на эстраду, разоблачены в этом образе с убийственной точностью и силой.

Да, много лет уже неразлучен Зиновий Ефимович с театром кукол. Хотя в юности он и не предполагал, что именно так сложится творческая судьба...

НАЧИНАЛ я как драматический актер в знаменитой молодежной студии под руководством Валентина Плучека и Алексея Арбузова. Играл и в «Городе на заре», и в других спектаклях, которые рождались прямо в коллективе. Были мы молодые, веселые, полные заманчивых планов. Но все перечеркнула война...

После тяжелого ранения пришлось перекалфицироваться в артиста театра кукол. Выступал и на эстраде с пародиями. Тогда, в послевоенные годы этот жанр был очень популярен. И появившийся в то время «Необыкновенный концерт» тоже пародия, ставшая большим представлением. В нем я переиграл все мужские роли и до сих пор исполняю одну женскую — солистку «цыганского хора Заполярной филармонии» Венеру Пуговкину с ее оглушительным «контральто».

Что я могу рассказать об Апломбове? Прежде всего то, что эта уникальная кукла создана прекрасным художником В. В. Андриевичем. Суть персонажа точно отражена на физиономии Апломбова. Главное место занимает огромный рот, который, кажется, и сделан для того, чтобы непрерывно извергать плоские остроты, пошлые фразочки, полные «железобетонного» юмора. Персонаж своими повадками очень походил на развязных конференсье — всезнаек, наводнявших эстраду

тех лет. Но, к сожалению, включил я как-то недавно телевизор, и известный конференсье с такой легкой ленцой, с такойнисходительной усталостью обращался к зрителям, мол, ладно уж, просвещу вас, необразованных, что пришлось огорчиться: нет, жив еще Апломбов. Да и другие персонажи «Необыкновенного концерта» пока что проникают на профессиональную сцену.

Хорошо, что в представлении время от времени вводятся новые номера. Сейчас это квинтет «Блям-79» — пародия на авангардистскую заумь в музыке и выступление «французской певицы Мари Жюль».

Я также стараюсь разнообразить свой текст, импровизировать по ходу спектакля. Например, за последние несколько лет вроде бы нашел удачную форму подачи слов Апломбова, вещающего об артистах, которые «внесли вклад в сокровищницу мирового музыкального искусства», и приглашающего на сцену... чечеточников братьев Баклушиных. Прекрасный случай еще раз высмеять демагога, любителя патетической фразы.

Но в чем Апломбов все же разбирается, так это в иностранных языках. Он «вел» представление на 24 языках народов мира.

— Актер-кукольник... Как входит он в образ, как устанавливает контакт со зрительным залом?
— Кукольником надо

родиться, надо суметь сохранить в душе те живые искры, которые оживят кусок дерева, заставят зрителей поверить в чудо жизни куклы, сопереживать ей. Понимаете, можно научиться великолепно манипулировать нитками, прекрасно владеть голосом, а кукольником не быть. Здесь есть какая-то тайна, волшебство...

Работал в нашем театре замечательный мастер Е. В. Сперанский. Вот он, по-моему, этой тайной владел. А я пока все еще на подступах к ней. Бывают лишь мгновенные озарения, и тогда тем, в невидимом за ширмой зале, такая вдруг устанавливается тишина, что ясно ощущаешь прочнейшую связь с людьми, захваченными переживаниями неправдашних героев...

— Вы говорите о переживании, о высоких чувствах. Но бытует ведь представление о театре кукол как о развлекательном, «смешном» жанре?

— Да, с легкой руки некоторых творческих коллективов, сознательно ограничивших свой жанровый диапазон, наметилась тяга или к сатире, а то и просто к комизму, или к романтически-абстрактному.

А мне порою кажется, что возможности театра кукол много шире. Если характер типизирован, наделен автором непо-

вторимыми чертами, он может ожить и у нас, например, — Подколесин из гоголевской «Женитьбы». Ясно видится мне в театре кукол даже «Холстомер». Дело совсем не в том, что Лев Толстой изобразил лошадей (то есть их легче «переделать» в куклы), а в том, что воплотил в этих образах великие идеи добра и справедливости.

— После многих лет работы кукольником, вы стали сниматься в кино, на телевидении, играть в

драматическом театре, писать пьесы...

— Серьезно дебютировал на киноэкране в фильме «Фокусник». Писатель А. Володин и режиссер П. Тодоровский сделали, на мой взгляд, умную и тонкую картину о скромном человеке, фронтовике, который, пройдя через тяготы войны, остался верен призванию артиста — призванию дарить людям радость — и, главное, собственному достоинству.

Другие кинороли, к сожалению, не принесли

удовлетворения. Хотя много связывал, например, с образом Паниковского в экранизации «Золотого теленка».

Да, Паниковский нелеп и ничтожен, но звучит в этом «человеке без паспорта» какая-то пронзительная нота, сожаление о пропавшей жизни. Недаром ни одна из его многочисленных афер так и не удалась... Поэтому можно было в этой роли выразить природу смешного, неразрывно связанного с грустью. Что получилось, — не мне судить.

На телевидении удачи так же были редки. А вот последняя роль, в какой-то мере, сложилась. Речь идет о «Кузене Понсе» (по Бальзаку), где мой герой до конца своих дней пронесет страсть к искусству. Был очень обрадован встречей с пьесой Э. Ветмаа «Монумент». В спектакле, поставленном в «Современнике», старейший профессор, которого я играю, отстаивает идеалы высокого искусства в борьбе с присосбленчеством и карьеризмом.

Несколько пьес, написанных мной совместно с М. Львовским — «Поцелуй феи», «Танцы на шоссе» и другие — получили сценическую жизнь, а «Дважды Вова» неожиданно для авторов прошел в доброй сотне детских театров страны.

Работаю сейчас над

очень сложной ролью в необычном по построению телевизионном фильме о Бетховене. Сценарист и режиссер Б. Галантер не выводит великого композитора на экран, а рассказывает о нем по свидетельствам очевидцев. Одно из них — Цмескала, друга Бетховена — предложил сыграть мне.

Но, честно говоря, больше всего хочется читать стихи, особенно тех поэтов, с кем связала прочная, на всю жизнь дружба — Твардовского, Светлова, Самойлова и немногих других...

Вновь на эстраде несравненный Эдуард Апломбов. Конечно, его встречают аплодисментами. Но не такими бурными, как хотелось бы нашему конференсье. «И это все?» — удивлен он. Аплодисменты усиливаются. «Нет, товарищи, это несерьезно», — ворчит Апломбов и скрывается за кулисами. Естественно, шквал оваций встречает его новое появление. «Ну что вы, ну, зачем...» — якобы смущается довольный конференсье.

И все эти гримасы и улыбки одновременно отражаются на лице человека за ширмой, с грустной иронией смотрящего на улыбки своего персонажа. Конференсье Эдуарда Апломбова и кукольник Зиновий Гердт ведут «Необыкновенный концерт».

Интервью взял
В. МЫЛОВ.

На снимке: народный артист РСФСР Зиновий Гердт со своим персонажем.

Фото Ю. Чернышева.